

Кто устоял в сей жизни трудной

Всёвышний распорядился так, что бывший лейтенант Василь Быков, почти погибший на войне, но не погибший, всю свою жизнь посвятивший фронтовой прозе — ее еще называли «лейтенантской прозой», — скончался именно 22 июня, вечером. И опять было воскресенье, как тогда, в 1941-м.

Илья Соколов 2003 — 1 апреля 09
Эд. Поляновский

Рукопожатие

1976 год. «Известия» опубликовали мой очерк «Свидетельница» — о старушке Огурцовой, точнее, о гибели в войну ее мужа и сына. Продолжение очерка («Имя на граните») — о ее полном одиночестве и нищете побоялись даже показывать главному редактору (фигуре, в ту пору зловещей).

1980 год. Главный редактор уехал в командировку, и в редакции решили рискнуть — опубликовать. Четыре года спустя!

Звонки — мне от заместителя главного. В ЦК, в агитпропе очень хвалили очерк. Кто? Сам Тяжелников. Еще звонок — от первого заместителя главного. Да, хвалили, приходи на планерку, будем обсуждать, хватит уже в кустах прятаться. Решили быть честными.

А через три дня вернулся главный. Куда-то съездил с утра, говорили — к Сулову. Вернулся, собрал заместителей, на столе лежал очерк, весь исчеркан. Когда главный был в ярости, он кричал и топал ногами. Как было в этот раз — не знаю, но заместители вышли подавленные.

В эти огромные дни мне пришла телеграмма из Минска. Отклик. «Это самая человечная публикация о бесчеловечности за последние десятилетия советской печати». Подпись: «Василь Быков».

Так мы познакомились. Телеграмма была как награда, но я даже не мог показать ее в редакции: связанная с именем опального, гонимого писателя, она как бы подтверждала порочность, глубокую антисоветскость публикации.

Кстати. После публикации старушке Огурцовой назначили наконец пенсию, переселили из полуразвалившейся избу в хорошую квартиру. Опубликовали бы сразу — четыре года жила бы хорошо. А так — три месяца.

С Быковым мы сошлись. Когда я бывал в Минске, заходил к нему — довольно скромная, «непрестижная» квартира, далеко от центра. Случалось, он провожал меня на вокзал вместе с Николаем Матуковским, известным собором в Белоруссии. Нос его на воздухе краснел, казалось, ему зябко, хотя было тепло. Мы стояли у вагона, мимо проходили и пробегали люди с поклажей и без, кто-то с кем-то прощался рядом. И ни один человек не узнавал его, великого писателя, на собственной земле.

В начале девяностых Василь Владимирович предложил мне рекомендацию в Союз писателей России. Я ответил: не нужно, ваша рекомендация недействительна, вы иностранец. «А я все равно напишу», — ответил как-то упрямо. Для Василья его рекомендация была как еще одно, лишнее рукопожатие.

Читателем «Известий» он оказался благодарным, откликнулся на многое. Здесь вот что важно: он регулярно читал «Известия» даже в годы зарубежных скитаний. «Известия» во все времена платили ему вниманием.

Вехи

Николай Егорович Матуковский — многолетний заведующий корпунктом «Известий» в Белоруссии.

Коля — друг мой беззаветный, человек Божий, всякая несправедливость ранила его. Он спас жизнь людей, безвинно осужденных за убийство (двоих безвинных уже успели расстрелять. Очерк «Тень одной ошибки»). Он первым сообщил о том, что от Чернобыля пострадали земли Белоруссии, люди жили там, где жить нельзя. Надо ли говорить, что Матуковский и Быков, два единомышленника, дружили.

В 1972 году в Минск приехал главный редактор «Известий» Лев Николаевич Толкунов. Не один, с заместителем заведующего отделом ЦК партии. Ужинали втроем.

— Как живет Василь Быков? — спросил у Матуковского главного редактора. Был как раз разгар трагедии писателя. В его гробенской квартире были окна, в школе преследовали сыновей, как детей предателя. Не знаю, правда ли, но Матуковский говорил потом, что в ту пору Быков был близок к самоубийству.

Журналист не успел открыть рот, как цеховский «замзав» разразился тирадой: «Это предатель, враг партии и советской власти. Позорит высокое звание писателя. У него в каждой повести — изменник, черная душа. Литература — это обобщение! Выходит, что на фронте были одни предатели? Войну выиграли мы — из этого надо исходить».

Перестройка перестройкой, а материал «Известия» публиковать не решились. Большой бедой не было: Василь Быков в эту пору был в силе, в полном покое, от него на время отстали, никакая газетная поддержка ему не была нужна (потому, наверное, мы и горючили на грани риска). Беседу опубликовал журнал «Дружба народов».

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Спрашиваю о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». То же фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются? — Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

волнений и нервных встрясок, каких и без того хватало на его неспокойном веку.

Пригласите же в Москву писателя, опального и гонимого у себя на родине! Обращаюсь с этим к столичному мэру. Обращаюсь к председателю российского правительства, исполняющему обязанности президента: примите, Владимир Владимирович, живое участие в беспорно благородном деле. Тем более что не так давно на встрече в Русском ПЕН-центре вам

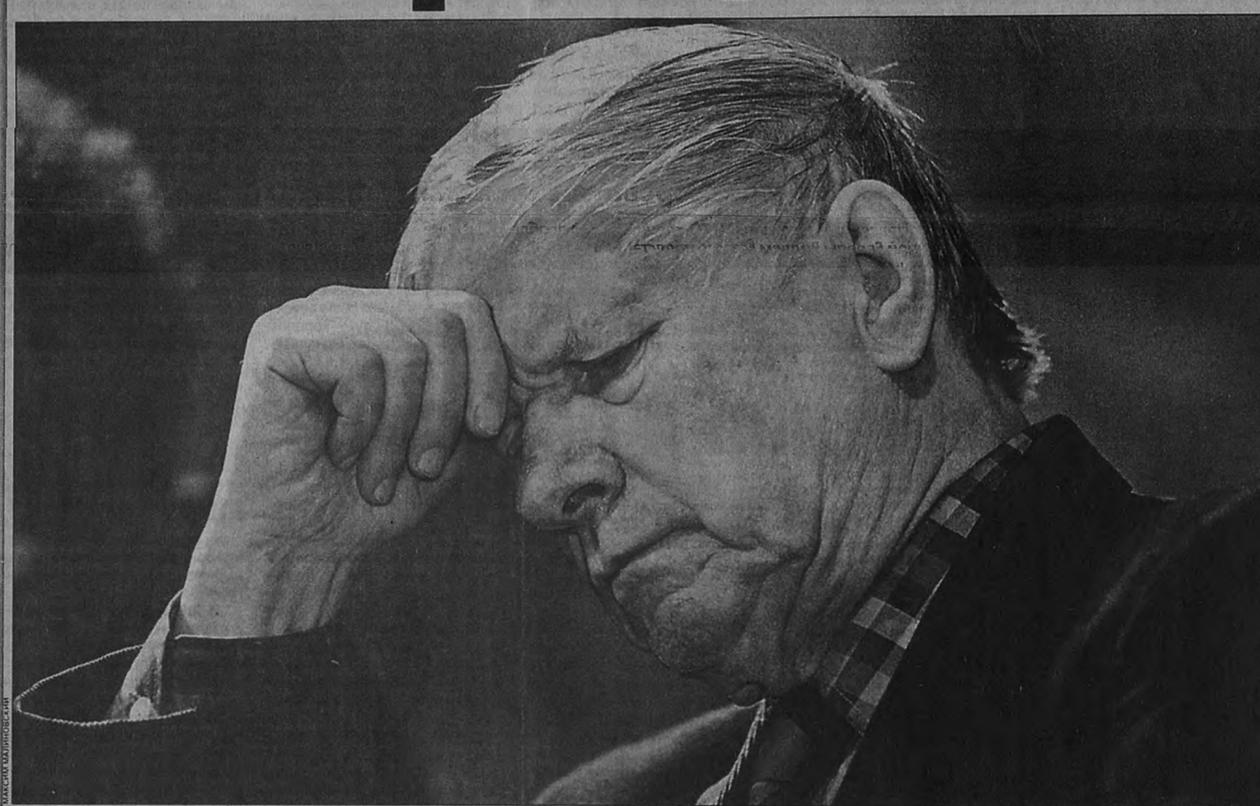
ИЗВЕСТИЯ

Не верь. Не бойся. Не проси

26 января 2000 года, среда, № 14 (25606)
Московский выпуск
Рекомендуемая цена — 4 рубля
http://www.izvestia.ru
Газета выходит с марта 1917 года
Наши подписные индексы:
60050 («Известия» — всякая корреспонденция)
38701 («Известия» в вагоне)

Василь БЫКОВ, писатель:

Возвращаются

знаки беды

«Известия» № 19, 4 февраля 2003 года

с единомышленниками. Вот писателем культуры, в числе которых и он, — озаглавлено «Наша демократия слаба, реформы тяжелы, а в умах — хаос».

Быкову — 70 лет. За три недели до юбилея исполком Содружества союз писателей (ССП) направил в МИД официальное представление на награждение юбиляра орденом «Дружба народов». МИД России в угоду МИДУ Белоруссии отказался рассматривать вопрос о награждении — «Известия» откликаются резкой публикацией. Ельцин затем издает указ о награждении — «Известия» снова отзываются.

Снова у него юбилей — уже 75: снимок, биография, статья «Кто устоял в сей жизни трудной...».

Не верь. Не бойся. Не проси

Формально никто не изгонял Василья из Белоруссии. И Лукашенко никаких видимых акций не устраивал. Просто всем, и не только в Белоруссии, была известна крайняя неприязнь, если хотите — враждебность президента к писателю. Разве этого мало для прислуги? Как сказал когда-то с иронией мой коллега: «То, что главный не любит, мы ненавидим».

Нет, никто не изгонял Быкова. Он уехал сам. Эти шесть лет — Финляндия, Германия, Чехия, мы очень редко говорили по телефону, зато при каждом удобном случае передавали друг другу приветия через знакомых.

После двух лет пребывания в Финляндии (по приглашению ПЕН-центра) Быков вернулся в Белоруссию и был встречен дикой яростью — разъяренная телешоу, ушаты газетной грязи.

Новый век, другие «Известия» — частное издание. И вот 26 января 2000 года «Известия» посвящают Василью первую полосу. Одна из самых мощных полос на моей многолетней памяти. Огромный портрет горестного Быкова, подпирающего рукой лоб. Огромными же буквами заголовки: «Не верь. Не бойся. Не проси».

Подзаголовок: «Приютит ли Россия Василья Быкова». Передавая, как прежде говорили, статья секретаря Союза писателей Москвы Валентина Оскоцкого. Строки отчаяния:

«Почему бы правительству ли Москвы, президентской ли администрации не пригласить писателя «Знак беды». Она о войне — и не только: о предвоенной деревне, о сталинских репрессиях. Теперь ее автор сам стал знаком возможной беды. В том числе и для нас».

«Известия» № 108, 24 июня 2003 года

рассказали о бедственном положении Василья Быкова, и вы не просто внимательно выслушали, но и отнеслись с пониманием. Далее «Наш комментарий» (Юрия Богомолова): «У Василья Быкова есть замечательная повесть «Знак беды». Она о войне — и не только: о предвоенной деревне, о сталинских репрессиях. Теперь ее автор сам стал знаком возможной беды. В том числе и для нас».

По просьбе «Известий» сам Василь Быков комментирует ситуацию:

«Известия» № 108, 24 июня 2003 года

Василь БЫКОВ, писатель: **Свой путь к свободе каждому суждено пройти в одиночку**

Имя Василь Владимирович Быков. Он был вынужден покинуть свою Белоруссию — жил в Финляндии, в Германии, в Чехии. Сказали что уже покончили с вами, вы выехали из страны, вы выехали из страны, вы выехали из страны. Но вы выехали из страны, вы выехали из страны, вы выехали из страны. После чего остались истинные и просветленные люди. Они были опознаны как истинные и просветленные люди. Они были опознаны как истинные и просветленные люди.

Как так можно? Автор оказался умудренным талантом человеком, давно не молодой, но в «Известиях» — без году неделя. Бывает.

Извинение и примирение наступили быстро. В нынешнем феврале в Прагу вылетел заместитель главного редактора «Известий» Александр Архангельский. Было опубликовано интервью с Быковым. Чувствовалось, как он хотел высказаться. Очень резко говорил о возможной интеракции Белоруссии с Россией, так как считал, что Россия поглотит его родину. Страдал, что белорусский народ действительно на стороне режима Лукашенко и не желает себе свободы.

Чрезвычайно резко отозвался о России. Это неприятно ошугили многие читатели «Известий». Что можно ответить? Василь Быков ведь уже сказал раз и навсегда: — Я с Россией Сахарова.

Коллега мой, вернувшись из Праги, сказал мне: — Вам большой привет от Василья Быкова.

Это был последний привет. Кишечник. Онкология. Очень тяжелая операция. После операции писателю позвонил Валентин Оскоцкий, рассказал, что в декабре Александру Николаевичу

Это — эссе. Две машинописные странички.

Последняя проза Быкова. * * * И эту тень я провадил в дорогу Последнюю, к последнему порогу, И два крыла у тени за спиной, Как два луча, померкли понемному.

Помолчим?

За обозреваемое время миновали те годы, а эпохи — советская, прересторная, демократическая (или антидемократическая, как угодно), теперь новый век — рыночных отношений, в стране совершенно другие морально-нравственные ценности. И «Известия» — совсем другие, и по составу (сменились поколения), и по принадлежности.

И вот никогда, ни в какую пору не бросала газета опального писателя, защищала как могла. Это то, что называют сухим словом — премьенственностью. В эти дни все каналы российского телевидения показывали Минск, похороны. Многотысячные толпы, отсутствие Лукашенко. — Советь заговорила, — объясняли демонстранты.

Я бы очень хотел надеяться, что он не пришел на похороны, потому что впервые испугался собственного народа, той его огромной части, которую он не понимает.

На другой день после похорон по белорусскому телевидению во всеуслышание объявили: будет проведено расследование — почему похороны превратились в политическую манифестацию.

Неужели уже ищут «зачинщиков»?

Еще душа не отлетела... А в день похорон российские телевизионные каналы соревновались друг с другом. По одному общили с пафосом: Быков приехал, чтобы умереть на родине. По

другому: вдова писателя возле могла попросила убрать знамена с советской символикой. По НТВ популярная ведущая рассказывает, что вдову писателя, как беглянку, лишили минской прописки.

Я позвонил в Минск Ирине Михайловне — вдове.

— Ой-ой-ой! Всё неправда, всё! Кому теперь-то это надо? Не было высокой страсти умереть на родине. Все было по-житейски. Василь чувствовал себя неплохо. Мы прилетели 23 мая, а на 6 июня у нас уже был взят — там, в Праге, — обратный билет. Мы собирались вернуться. Но Василь вспомнил, как чешские врачи сказали ему: «В Минске хороший онкологический центр», — и вдруг сказал мне: «Не поедем назад». Василь решил лечь здесь на долечивание. Профессор очень тепло его встретил, но сказал прямо: «Положение очень тяжелое, мы таких больных уже не берем. Но вы — Быков, и мы сделаем для вас все возможное».

Мы жили сегодняшним и немногого завтрашним днем. Собирались жить в Праге, но летом — в Минске: в Праге летом жарко, душно, а у Василья астма.

...В больнице Василь продержался две недели. А со знаменами? Я их не видела, старалась держаться в стороне, в массовке, и никому ни слова не сказала.

С пропиской — ну всё наоборот. Мне нужно было поменять белорусский паспорт. Говорят, на это уходит месяц. Мне всё оформили за несколько часов, при этом я даже не выходила из дому. Все крутилось где-то на министерском уровне.

Нет-нет, на этот раз нас встретили хорошо. Но зачем же подли-

Могно понять, какая жалость, российский демократ, которого издавна перебили по мне, что и мы, и теперь, перебили с быковичем, тридцатипятилетий свободы Общественности с белорусами, они дружат, перебили демократический закон, перебили демократический закон, перебили демократический закон, перебили демократический закон, перебили демократический закон.

Василь Быков

107.03